

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 141.201

Н.А. Балакина

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КРИТЕРИЕВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПОДХОДОВ Ф. ФУКУЯМЫ, Э. БЁРКА И М. ВЕБЕРА

В рамках исследования тенденций, возникающих в ходе изменения парадигмы науки к постнеклассической, исследуется влияние нерациональных факторов на человеческую деятельность, аргументируется позиция о недопустимости элиминации одних элементов в пользу других на том основании, что они не отвечают понятию рациональности, принятому в выбранной модели. Анализируется роль традиции в функционировании общества.

Ключевые слова: *Просвещение, рациональность, спонтанная социализация, традиция.*

После того как в 1989 г. в журнале «The National Interest» была впервые опубликована статья «Конец Истории?», к её автору Френсису Фукуяме пришла известность, затем эта статья была переработана в книгу. В более поздних его работах центр внимания был смещён в сторону изучения изменений человеческой природы под воздействием того же искусственного мира, который и был им воссоздан как, например, в книгах «The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order», изданной в 1999 г. Free Press, или в «Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution» 2002 г. Однако для нас представляет интерес его работа, которая была им опубликована в 1995 г., – «Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity», переведенная на русский язык в 2004 г. и вышедшая под названием «Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию». Автор работы вступает в полемику с теми учёными, которые стремятся экстраполировать экономические методы на феномены, обычно не относимые к сфере экономики, и, более того, Фукуяма выступает против узости неоклассической концепции, на которой базируется современная экономическая мысль. Ограниченность её он видит уже в основном тезисе, согласно которому человек понимается как «рациональный индивид, стремящийся к максимизации полезности» [1. С. 17], что ведёт к пониманию человека как исключительно разумного индивида, стремящегося к достижению в первую очередь личной пользы в ущерб пользе коллективной.

Несмотря на спорность ряда положений, заслуга книги в том, что она акцентирует внимание на необходимости учитывать неэкономические, в том числе нерациональные, факторы, которые зачастую и определяют человеческую деятельность.

На основании анализа способности населения разных стран к «спонтанной социализации» и выведении на этой основе величины кредита доверия Фукуяма строит концепцию стратегии деятельности и развития с учетом эко-

номического, культурного и исторического опыта. Традиции, а также ряд культурных детерминант в этой концепции оказываются необходимыми элементами деятельности и развития.

Если абстрагироваться от тех предметных сфер, в рамках которых написаны «Конец истории?» и «Доверие» (геополитика и экономика соответственно), то откроется их принципиальное различие в методологическом плане, отнюдь не случайное, а скорее выражающее общие тенденции, наблюдаемые в ходе развития науки, понимаемой здесь как единый процесс. В первую очередь это отражается в изменении понятия и понимания рациональности, метафорически это изменение можно назвать движением от Вебера к Бёрку, однако мы далеки от мысли редуцировать этот сложный процесс к простому переходу от апологетики *ratio* к апологетике традиционализма. Далее приведены замечания, конкретизирующие наш подход к оценке позиций двух мыслителей, имеющие целью продемонстрировать реальное различие подходов. Это потребовало привлечения обновлённого понятийного аппарата, в частности уточнения понятия традиции, для создания нового базиса для сопоставления.

Великая французская революция, как известно, была следствием не только причин политического и экономического характера, но и продуктом целой эпохи менталитета и культуры – эпохи Просвещения. Одним из мыслителей-современников, откликнувшимся на революцию, был Эдмунд Бёрк. Благодаря «Размышлению о революции во Франции» он считается родоначальником политического консерватизма. В «Размышлении о революции» Бёрк полемизирует с самой идеей возможности создания государства и управления им на основаниях, пусть и рациональных, но создаваемых волею одного человека или же группой лиц. На полюсе, противоположном занимаемому Бёрком, находится комплекс идей Просвещения.

Картина мира, созданная идеями Просвещения, и лежащая в ее основе методология познания критиковалась ещё современниками, но было бы необъективным не заметить, что отрицательные черты концепций Просвещения являются всего лишь закономерным продолжением положительных результатов культуры и науки своего времени, в частности естествознания. Редукция стала объединяющим принципом, человек сводился к механизму среди механизмов. Если еще Бэкон предложил использовать разум с целью достижения господства над природой, то Французская революция поставила на повестку дня вопрос о господстве над квази-природой, то есть над человеческим обществом.

Бёрк отвергает идею редукционизма, настаивает на сложности человека и общества, на их несводимости в реальности к модели, которой можно управлять, даже основываясь на доводах беспристрастного разума. Более того, разум, не скованный предрассудками, может стать, согласно Бёрку, опасным. Регулятор поведения – традиция, которая выступает в качестве защитного механизма, предотвращающего невежественные действия. Традиция, имеющая надындивидуальный характер, участвует в формировании нормы. Разумеется, в отступлении от нормы заложен огромный творческий потенциал. Однако его последствия для индивидуального уровня и для уровня системы могут быть отрицательными. Традиция же задаёт необходимое усреднение

для стабильного существования. В разрушении традиции Бёрк видит не освобождение, но, напротив, путь к усилению контроля: разрыв привычных, освященных традицией связей, служивших регуляторами, приводит не к равенству, а к узурпации государством всех сфер жизни общества.

Бёрк не проводит подробное изучение самого понятия традиции. Однако важно отметить, что он указывает на особую мудрость, заключённую в форме традиции, нарушение которой разрушительно. Традиция для Эдмунда Бёрка в первую очередь – это модель, доказавшая свою полезность, авторитет которой базируется на авторитете предыдущих поколений, равно как и на надындивидуальности её источника. Традиция имеет иррациональный характер в смысле «милой иллюзии», «украшающей и смягчающей частную жизнь» [2. С. 115]. Особо Бёрк подчёркивает важность формы традиции для её сохранения и принятия новыми поколениями.

Всё сказанное о концепции традиции Бёрка позволило исследователям объявить Бёрка одним из основателей политического консерватизма, традиционализма. Однако более глубокий анализ феномена традиции позволил выработать концепцию, в соответствии с которой работа философа – это не арена противостояния традиции и новации, но отражение противостояния двух традиций. В нашем понимании традиция не столько конкретный обряд или ритуал, сколько символическая система, формирующая вокруг себя определённое социальное поле, внутри которого существуют определенный набор ценностей и правил поведения, руководящих деятельностью индивидов, вовлечённых в это поле. Очевидно, что при этом всякая традиция тоталитарна, каждая стремится полностью заполнить собой социальное пространство, и именно в борьбе и взаимовлиянии традиций и происходит развитие социума.

На другом полюсе по отношению к Бёрку находится Макс Вебер. В «Основных социологических понятиях» Вебер использует понятийный аппарат, в который входит и понятие традиции. Однако авторская трактовка этого понятия неоднозначна. В указанной работе автор настаивает на пограничном положении традиции между осмысленным действием и автоматической реакцией. В данном случае традиция отождествляется с привычкой, цель которой – простая систематизация повседневного поведения человека. Когда человек сталкивается с изменением повседневной действительности, подводящей его к необходимости выбора при затруднённом или невозможном прогнозировании его последствий, он, рассматривая варианты действий, может остановить свой выбор именно на традиции, поскольку при прочих равных условиях выбор будет более ценностно обоснованным.

Далее Вебер практически уравнивает понятия обычая, как укоренившейся в течение длительного времени привычки, с традицией, особо подчёркивая при этом часто неосознанный либо нерациональный характер выбора тех или иных обычаев. Постулирование неосознанности воспроизведения обычая или традиции позволяет автору вынести их из категории действия, необходимым признаком которого, как он указывает, является осознанный, рефлексивный характер. Очевидно, что в данном случае традиция используется как один из полюсов для образования дихотомического соотношения традиционное – рациональное, поскольку без этого основания становится затруднительным

обоснование влияния протестантизма, который воспринимается им как новация по отношению к традиционному католицизму, на формирование экономической системы.

Однако восприятие традиции, по Веберу, не ограничивается только несознанным воспроизведением определённого паттерна действия. Вебер указывает на определённую двойственность традиции и на её смещение в сферу ценностей. И уже в этом качестве традиция выступает как ценностно-рациональное действие.

Таким образом, можно выделить две, в смысле Вебера, трактовки традиции: как обычай и как ценность. В первом случае она нерелективна и не становится источником собственно действия, во втором она, напротив, отнесена к обоснованию действий ценностно-рационального характера. Такая двойственность, по нашему мнению, устранима, если развести понятия традиции как элемента социального пространства и как авторский концепт Вебера, необходимый для демонстрации выдвинутых положений.

Зададимся вопросом, насколько действительно противоположны точки зрения, на которых настаивают Бёрк и Вебер. Бёрк утверждает в убеждении, что общество не есть механизм, строго детерминированная система, развитие которой можно предсказать на основе динамических законов и управлять, руководствуясь исключительно научными, рациональными соображениями. Бёрк указывал на ограниченность такого подхода в строительстве государства, как и Фукуяма указывает на невозможность сведения человека к рационально действующему в экономических отношениях индивиду. Нельзя не отметить тенденциозность работы Бёрка, однако несомненная её ценность в указании на значимость скрытых механизмов, регулирующих социальную и государственную сферу. Работа Бёрка не имеет своей целью гносеологического исследования понятий, поэтому он не выносит и не разбирает отдельно понятий традиции, обычая и проч., не делает между ними различия. Однако анализ контекста позволяет предположить, что именно традиция понимается им как регулирующий механизм. Напротив, Макс Вебер посвящает конституированию используемых им понятий отдельный труд, однако не проясняет ряд вопросов. Гносеологическая определённости понятий принесена им в жертву сохранения дихотомии рациональности и традиции, противопоставления рациональности, основанной на традиции протестантизма, всем иным ее формам. Мы наблюдаем здесь ту же несвободу от тенденциозности, что и у Бёрка. Из-за того, что на современном Веберу моменте истории страны, «пропитанные» духом протестантской этики, показывают более заметные успехи в экономическом и технологическом плане, он делает вывод об особенной полезности протестантской рациональности для социального развития.

Итак, как и Бёрк, Вебер здесь – заложник одного из полей, созданных одной из традиций, которое диктует ему примат транслируемых им ценностей, т.е. протестантской этики. И даже на страницах тезауруса, которыми по сути являются «Основные социологические понятия», происходит борьба традиции протестантизма с возможными конкурентами. Этот тезаурус будет обеспечивать правильную коммуникацию, исключительно в рамках традиции, где

он был создан, но само название, напротив, претендует на всеобщую точность и истинность изложенных понятий.

Современный этап показывает с точностью обратную картину. Духовный кризис, имеющий, как известно, свои истоки, в том числе и в экономическом развитии европейских стран, подтолкнул интеллектуальную элиту западных стран к изучению восточных духовных практик. Ряд философов пришли к заключению о наличии на Востоке особой традиции, которой не обладает Запад. К этому же времени относится появление работ азиатских учёных, утверждающих прогрессивность их традиционных взглядов. Такая тенденция сохраняется в определённой мере и в настоящий момент. Свидетельством тому является, например, конференция «Science and Tradition: Roots and Wings for Development» («Наука и традиция: Корни и крылья для развития»), которая прошла в Брюсселе в апреле 2001 г. под эгидой ЮНЕСКО, которая имела своё продолжение по сходным тематикам в Веллингтоне, Париже, Йоханнесбурге и других городах вплоть до 2009 г. Однако содержание работ участников этих конференций и других учёных, представляющих это направление, в такой же мере противостоит идеям Вебера, в какой является и их продуктом, поскольку не выходит за рамки указанного выше противопоставления, а просто переставляет акценты.

На первый взгляд можно предположить, что водораздел между Э. Бёрком и М. Вебером проходит точно так же, как, например, между Вебером и современными апологетами теории особого восточного пути развития: Бёрк проводит границу между традицией и традицией Просвещения, а Вебер — между традицией и традицией Протестантизма. Позиции Бёрка и Вебера действительно близки, поскольку отличаются не функционально, а идеологически. Но принципиальное их различие в том, что окружающая реальность для Бёрка — сложная система, полностью охватить которую невозможно для самого сильного разума. Эдмунд Бёрк указывал на необходимость традиции как одного из регуляторов социума и, как следствие, необходимого механизма в деле управления. Разрушение традиционных связей приведёт к узурпации их государством и к диктатуре. Вебер, признавая традицию неэффективным основанием деятельности, анахронизмом, видит прогресс в её полном исключении и расширении бюрократического аппарата, который бы действовал исключительно на базе рационально разработанных нормативов. Оба автора не приемлют диктатуру, однако, если Бёрк говорит, о необходимости сохранения механизмов разной природы, для сохранения свободы, то Вебер в духе Просвещения утверждает, что есть единственный путь движения. Следующим шагом от такой бюрократической трактовки Вебера становится идея монотехники и мегамашины Льюиса Мамфорда, ведущая к замене многообразия строгим иерархическим механизмом. Итак, основное различие между двумя подходами кроется не в различии онтологических позиций, выше мы показали, что в пространстве указанных научных трактатов происходит борьба между традициями, а не между традицией и новацией или традиционным и рациональным отношением к миру. Напротив, их отличие базируется на различиях гносеологических предпосылок: признание плюрализма источников, формирующих человеческое общество у Бёрка, который отнюдь не

отрицает роль и рационального компонента, и попытка Вебера обосновать исключительное право выбранной им модели на формирование понятия рациональности, которое, в свою очередь, должно быть определяющим мотивом деятельности человека.

Философы постмодернизма критиковали Просвещение именно за категоричность его установок. Так, Адорно и Хоркхаймер заявляют, что «Просвещение – тоталитарно» [3. С. 20]. Ирония же заключается в том, что это является характеристикой любой традиции. Каждая из традиций, формируя своё социальное поле, вытесняет другие, однако социальное пространство сплетается из множества социальных полей, которые, сосуществуя и накладываясь друг на друга, позволяют друг другу развиваться. Катализатором к этому развитию служат новации, возникающие на стыках и наложениях традиций. А характеристика «То, что не желает соответствовать мерилу исчислимости и выгоды, считается Просвещением подозрительным» [3. С. 22] – это уже исключительно внутренняя характеристика традиции Просвещения.

Каждая традиция, организуя своё социальное поле, задаёт в нём систему координат, формируя наполнение понятий ценности и нормы, что, в свою очередь, накладывает ограничение на восприятие действительности. В рамках обыденного сознания выход за рамки традиции связан чаще всего с кризисными явлениями, но рациональное научное и философское сознание дают исследователю инструментарий для более полного отражения процессов, протекающих в мире. Тем выше ответственность учёного использовать все доступные методы для возможности осуществления действительно трансцендентного выхода за рамки поля традиции, как правило, настолько сильного, что воспринимается индивидом как часть собственного я, с целью построения диалога и дальнейшего развития на его основе. Именно сейчас, в стремительно глобализующемся мире, не в последнюю очередь вследствие возникновения глобальных угроз и кризисов, тема диалога и его принципиальной возможности или невозможности выходит на первый план. И новый тип рациональности, с одной стороны, должен всемерно ему способствовать, а с другой – по-прежнему предохранять знание от невежественных инициатив или злонамеренных спекуляций. Френсис Фукуяма сохраняет позицию Бёрка в идее многообразия механизмов, влияющих на поведение человека и формирующих в конечном итоге социальную реальность. Ценность «Доверия» не в том, что автор пытается найти новую традицию, с опорой на которую будет выстроена новая модель, но в признании ограниченности и дополняемости каждой такой модели. От «Конца истории» до «Доверия», автор прошёл путь от Вебера до Бёрка, от категорической защиты всеобщей рациональности, которой противодействуют локальные традиции, к рациональной оценке всего многообразия элементов и механизмов.

Литература

1. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 730 с.
2. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 114–121.
3. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Понятие просвещения. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. «Медиум» «Ювента». М.; СПб., 1997. 312 с.

4. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 144 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php.

5. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

6. Гофман А. Б. Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве Макса Вебера // Социологические исследования, 2008. № 4. С. 120–128.

Balakina Natalia A. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federatin)

FUKUYAMA: FROM WEBER TO BERK

Keywords: the Enlightenment, rationality, spontaneous socialization, tradition

The inheritance of scientists of past is being reevaluated on modern stage of science development, especially it's well seen in the sphere of social science. Two works of American scientist F. Fukuyama – *The end of History* and *The Trust* – are a landmark of this transition. The transition is a way from categorical defense of universal rationality which is resisted by local traditions to rational estimation of the whole variety of elements and mechanisms. The way is figural named as the way between Weber to Berk. These thinkers are usually opposed to each other, the first one is as a proponent of rationality in the spirit of the Enlightenment and the second one is as a defender traditional values. But our paper brought to light their common position in this sphere. It can be possible due to deeper exploring of definition “tradition”, which is allow to look from a different perspective at thinkers positions. According our position, tradition is not a kind of a solidify ritual but is a special symbol system of information handling which realizes functions of storage and transfer of data and knowledge, legitimating of activity, creating the intention of social field building. In our view the difference of the thinkers' biased attitude is in their different attitude towards the society as a system. Berk's stance reflects opposition of the tradition and tradition of the Enlightenment, but Weber divides the tradition and tradition of Reformed Faith, so it's obvious their points of view are distinct ideologically not functionally. Dictatorship is inappropriate for both of them, but Berk says about the necessity of conserving of different nature mechanisms to keep freedom, Weber, in the spirit of the Enlightenment, insists on the only one way for development. According to author's view Fukuyama's *The Trust* is marks a methodological turn which allows to widespread the notion of rationality to incorporate a wide range of factors in researching models with the aim to reflect reality in better way. Postmodern philosophers criticized the Enlightenment for its categorical orientation, ironically it is a characteristic any tradition. Every tradition creates its own social field, but social space consists of abundance of social fields. Coexisting, superimposing on one another the fields let each other develop. Substitutions which are born in common areas and borders between traditions' fields, is an accelerator of this process.

References

1. Fukuyama F. *Doverie: Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Translated from English by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST Publ., 2004. 730 p.
2. Burke E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii [Reflections on the Revolution in France]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1991, no. 6, pp. 114–121.
3. Horkheimer M., Adorno T.V. *Ponyatie prosveshcheniya. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. “Medium” “Yuventa”* [The concept of education. Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments. “Medium”, “Juventa”]. Translated from German by M. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg, 1997. 312 p.
4. Burke E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, otosyayshchikhsya k etomu sobytiyu [Reflections on the Revolution in France and meeting some societies in London related to this event]. Translated from English by E.I. Gel'fand. Moscow: Rudomino Publ., 1993. 144 p. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php.
5. Weber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya. Izbrannye proizvedeniya* [Basic sociological concepts. Selected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 602–643.
6. Hoffmann A.B. Traditsionnoe ili ratsional'noe? Interpretatsiya traditsii v tvorchestve Maksa Vebera [Traditional or rational? Interpretation of tradition in the works of Max Weber]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2008, no. 4, pp. 120–128.